

БАРОН РОЗЕН О СЕБЕ

Любовь Киселева (Тарту)

Русский писатель и сотрудник пушкинского «Современника» барон Егор Федорович Розен (Karl Georg Woldemar Friedrich von Rosen, 1800–1860) написал автобиографию, которая до сих пор остается одним из немногих источников сведений о его жизни и внутренних творческих установках. Она была напечатана на немецком языке в качестве предисловия к автопереводу пьесы «Дочь Иоанна III», которую барон не без основания считал лучшей своей трагедией¹. Издание представляет собой библиографическую редкость, поэтому чаще всего цитируют неполный русский перевод, выполненный бароном Андреем Розеном и помещенный в его генеалогической истории древнего прибалтийско-немецкого рода Розенов². Однако историк и генеалог преследовал свои цели: он выбирал, в первую очередь, фактические сведения, а декларации и литературные рассуждения писателя, как правило, элиминировал. Ниже мы помещаем полный русский перевод текста³ с комментариями.

Внешним поводом к написанию автобиографии (как пишет сам Розен) явилась просьба Г. Кёнига⁴, который собирал сведения о русских писателях⁵. В изданных позже «Прогулках по Рейну» барон Розен так описывает свое знакомство в Эмсе с Кенигом у гр. И. Виельгорского⁶:

Из Ганау приезжал к нам г-н Кениг, автор известных «Литературных Картин из России», который своею книгою вывел на время, или, лучше, *вынес* в люди нашего скромного Мельгунова. По приглашению моего большого товарища, Кениг остался у нас обедать. Речь шла только о книге его и о русской литературе. Мало ли наговоришь под скрытыми розами литературного банкета: он же не *симпосион* Платона или Ксенофонта! Ужели г-н Кениг все это напечатает? Я обещал-было Кенигу присылать ему, с дороги, в летучих листках, замечания мои

¹ *Rosen, G.F.V., Baron. Vorwort // Die Tochter Joann's III. Trauerspiel in fünf Aufzügen von Baron Georg Rosen. Aus dem Russischen überesst von dem Verfasser. St. Petersburg: Carl Kray, 1841. S. III–XI.*

² Очерк фамильной истории Баронов фон Розен из родовых домов Рооп, Гохрозен, Шёнангрэн или Розенгоф, Райскум, Моян и пр.: 992–1876 / Составил Барон Андрей Евг. Розен. СПб., 1876.

³ Он выполнен Т.К. Шаховской, которой мы приносим искреннюю благодарность за труд и неоценимую помощь в работе. Части, переведенные А.Е. Розеном, включаются в его огласовке, однако некоторые нюансы в его переводе уточняются. Благодарю М.И. Лекомцеву за ценные поправки.

⁴ Генрих-Иосиф Кениг (Heinrich Joseph Koenig, 1790–1869) издал в 1837 г. первый на немецком языке систематический очерк развития русской литературы. Его информантом был Н.А. Мельгунов (см.: *Мельгунов Н.А. История одной книги. СПб., 1839*). Книга Кенига вызвала бурную полемику, в основном, со стороны Ф. Булгарина и Н. Греча, недовольных резким отзывом в свой адрес (см.: *Кузовкина Т.К. Роль книги Г. Кенига в развенчании болгаринского мифа // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Тарту, 2005. Вып. V*). Наряду с ценными сведениями, общей благожелательной оценкой сочинение Кенига содержало неточности и несколько снисходительную трактовку уровня развития русской словесности. Из-за цензурных сложностей на русском языке книга была издана через четверть века под заглавием: *Очерки русской литературы. Перевод сочинения Кенига "Literarische Bilder aus Russland". СПб., 1862.*

⁵ Видимо, инициатором готовившегося, но не осуществленного второго издания «Картин русской литературы», где должны были быть исправлены неточности первого и включаться новые сведения, был также Н.А. Мельгунов. См.: *Евсеева М.К. Мельгунов Николай Александрович // Русские писатели: 1800–1917. Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 573.*

⁶ Секретарь наследника престола Е.Ф. Розен был вызван к заболевшему сослуживцу, спутнику великого князя Александра Николаевича в его заграничном путешествии графу И. Виельгорскому.

на книгу его и дальнейшие сведения о нашей литературе, но раздумал: нет, не иностранцу, не на чужой стороне и не на чужом наречии высказывать свои задушевные тайны о нашей словесности и о служителях ее, а в России, на русском языке, в русском журнале: охотно подвергнусь отечественному контролю моих сослуживцев на русском Парнассе⁷.

Эта запись в путевом очерке содержит явный отголосок ситуации, сложившейся в России вокруг книги Кенига в конце 1830-х и в 1840-е гг., когда солидаризация с «Картинами русской литературы» считалась «непатриотичной». В более ранней немецкой автобиографии барон расставляет иные акценты: он говорит не о нежелании писать для Кенига, а скорее об отсрочке своего ответа. Само предложение он трактует здесь как запрос написать о себе и хочет предварительно дать немецким читателям представление о своем творчестве, выбирая для этого трагедию «Дочь Иоанна III». Стоит ли говорить о том, что продолжения, о котором мечтал Розен (см. ниже заключительные слова предисловия), так никогда и не последовало. Однако эта «прерванная» автобиография дает ценные сведения о сложной позиции барона относительно собственной культурной идентичности.

Традиционно из автобиографии Розена цитируются его суждения о русской народности, которые перекликаются с аналогичными свидетельствами из воспоминаний о Пушкине⁸. Они, в самом деле, весьма выразительны, однако приводимый ниже текст несколько смещает акценты. Розен хотя и гордится принадлежностью к русской литературе, но считает ее «молодой» (т.е. оценивает с некоторой сдержанностью), говорит о своей ориентации на немецких писателей и не хочет терять связи со своей родиной и «дорогими соотечественниками», т.е. с Германией и немецкими читателями. Такой взгляд лишней раз свидетельствует о том, что остзейские провинции Российской империи (а Розен родился в Эстляндии) не воспринимались их жителями как Россия — это было немецкое культурно-бытовое пространство. Первая родина, таким образом, — это Германия, хотя ее восточная часть (*Ostseeprovinzen*) и располагается на территории другого государства. Обретение русской идентичности («русской народности») рассматривается как вынужденное — русским барона сделало горячее желание стать поэтом: «Быв совершенно отлучен от немецкого духа и от немецкой жизни, и в таком возрасте, когда сердце стремится в мир, я должен был довольствоваться русскою национальностью».

Хотя брошюра, содержащая перевод «Дочери Иоанна III», была издана в Петербурге, Розен явно рассчитывал на немецкого читателя не только в России, но и в Европе. Это была автобиография, предназначенная «на экспорт». Любопытно, что даже дата под предисловием — 4/16 марта 1841 — дается по двум календарям: юлианскому, принятому в России, и европейскому григорианскому, притом что под цензурным разрешением А. Ольдекопа стоит одна дата — 20 декабря 1840⁹.

В «Предисловии» Розен четко обозначает время создания своей трагедии: «Я написал это произведение летом 1835 г.». Эту датировку подтверждает указание на титульном листе русского издания: *Дочь Иоанна III. Трагедия в пяти действиях. Сочинение Барона Розена. Санктпетербург, летом 1835 года*. В каталогах ведущих

⁷ Розен Е.Ф. Прогулки по Рейну // Сын Отечества. 1848. № 2. Отд. III. С. 5–6.

⁸ Розен Е.Ф. Из статьи «Ссылка на мертвых» // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1974. Т. 2.

⁹ Возможно, что А. Ольдекоп цензуровал только перевод трагедии, а предисловие потом проходило дополнительную цензуру, и дата второго разрешения не обозначена.

библиотек оно обозначается как отдельное издание: СПб., 1835, т.к. представляет собой брошюру объемом в 64 стр. Однако отсутствие цензурного разрешения на обороте первой (титульной) страницы заставляет предположить, что мы имеем дело не с книгой, а с оттиском из периодического издания. В самом деле, это — отдельный оттиск из журнала «Пантеон русского и всех европейских театров»¹⁰. Таким образом, немецкое издание вышло в свет в один год с полной публикацией трагедии на языке оригинала. Тем не менее, текст начал проникать в печать уже в 1835 г.

Первый отрывок из «Дочери Иоанна III» был опубликован по-русски в апреле 1835 г. в «Сыне Отечества»¹¹. Осенью того же года Булгарин в рецензии на предыдущую трагедию Розена — «Петр Басманов» — заметил в примечании: «Здесь кстати сказать, что автор Басманова кончил другую новую трагедию: Дочь Иоанна III, и пожелал, чтобы она скорее издана была в свет»¹². Однако до момента полного издания прошло пять лет. Зато второй отрывок — «Иоанн III и Аристотель» — был опубликован в пушкинском «Современнике»¹³.

В «Предисловии» к немецкому изданию Розен специально останавливается и на вопросе о постановке трагедии «Дочь Иоанна III» на сцене: «Один из наших лучших артистов¹⁴ хотел поставить его на сцене, мое путешествие за границу дало мне повод не разрешить этого, т.к. произведение было предназначено только для чтения». Факты говорят о том, что в этих словах содержится доля лукавства.

В архиве цензурной экспедиции хранится дело о разрешении к постановке трагедии «Дочь Иоанна III», датированное 26 июля 1837 г.¹⁵ Более того, именно в связи с этой пьесой последовало высочайшее послабление относительно появления на сцене царственных персон. 25 ноября 1837 г. министр императорского двора князь П.М. Волконский писал «Господину Директору императорских Санкт-Петербургских Театров» следующее: «Государь Император Высочайше повелеть изволил Дрaму Розена, под названием дочь Иоанна III¹⁰, позволить играть на С. Петербургских Театрах, равно и впредь принимать Дрaмы или Трагедии, но не Оперы, в коих выводятся на сцену Российския Цари до Царствования Романовых, исключая Святых, как то Александра Невского и других»¹⁶.

¹⁰ Дочь Иоанна III. Трагедия в пяти действиях. Сочинение Барона Розена. Санктпетербург, летом 1835 года // Пантеон русского и всех европейских театров / Под ред. Ф.А. Кони. 1840. Ч. II. С. 1- 64. Нумерация страниц в издании дается по разделам, поэтому титульный лист пьесы попадает на страницу 1, что и ввело в заблуждение библиографов. Цензурное разрешение – 12 мая 1840 г.

¹¹ Из трагедии: Дочь Иоанна III. Соч. Барона Розена. Первого действия 8-ое явление // Сын Отечества и Северный архив. 1835. № 16. С. 469-483.

¹² Северная Пчела. 1835. 7 ноября. № 252. С. 1007.

¹³ См.: Современник, Литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. СПб., 1836. Кн. 2. С. 194-205. [Факсимильное издание. М., 1987]. Комментаторы, ссылаясь на письмо Розена к Пушкину от 19 апреля 1836 г.: «Voici ma tragédie et le fragment que je Vous destine, si vous le trouvez bon / Вот моя трагедия и отрывок, который я для вас предназначаю, если вы его одобрите» (Пушкин. Полн. собр. соч.: В 17 т. Том 14 (Переписка 1828-1831). М.–Л., 1941. С. 107), высказали даже предположение, что на титуле пьесы была допущена опечатка — вместо 1836 г. был ошибочно напечатан 1835 (см.: Современник. Литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. Приложение к факсимильному изданию. М., 1987. С. 118).

¹⁴ Скорее всего, имеется В.А. Каратыгин, сыгравший роль Прозоровского (сына Курбского) в розановской «Осаде Пскова» в октябре 1834 г.

¹⁵ Цензором был все тот же А. Ольдекоп, который заключил свой краткий пересказ пьесы словами «La pièce est belle et noble» (РГИА. Ф. 780. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 152).

¹⁶ РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Ед. хр. 7802. Л. 1.

Следовательно, произведение Розена преодолело немалые цензурные препоны и готовилось к постановке достаточно долго, о чем автор был, конечно, осведомлен. Отъезд Розена за границу 8/20 июня 1838 г. последовал внезапно: он выехал из Петербурга в Любек к больному Виельгорскому сразу по получении «бумаги, писанной Рибопьером»¹⁷. Трудно судить о том, имел ли Розен в тот момент время вести переговоры с театральной дирекцией, как и о том, почему трагедия так и не была поставлена. Не исключено, что инициатива все же исходила от самолюбивого автора, который был недоволен возможными переделками и сокращениями, которые неизбежно сопровождали в ту эпоху любую пьесу при постановке на сцене.

Важно выделить в «Предисловии» и то, что стремится подчеркнуть Розен в своей творческой позиции. Во-первых, он пишет о том, что должен был создать в своих драмах новый оригинальный язык, в котором «ассимилировались» «немецкий дух» и «русская народность». К началу 1840-х гг. Розену было прекрасно известно, что ничего, кроме насмешек, этот «язык» у русской публики и критиков не вызвал. Поэтому, во-вторых, он упорно подчеркивает свой принцип — идти наперекор общему мнению, «давать публике не то, чего она желает, а то, чего у нее нет, или то, что причиняет ей страдание». Эти принципы не способствовали успехам барона Е.Ф. Розена в русской литературе, но являются неотъемлемыми чертами его литературной личности.

Итак, текст «Предисловия»:

В Эмсе летом 1838 г. познакомился я с г-ном Кёнигом, который в своих „Literarische Bildern aus Russland“ сказал о нас дружественное слово. К нему стекались разнообразные заметки для дополнения его интересного труда, и — благодаря некоторым путешествующим русским¹⁸, которые обратили его внимание на меня, он захотел во втором издании своей книги уделить местечко и для меня и попросил написать автобиографические наброски. Хотя мы, русские литераторы, с одной стороны, с глубокой благодарностью воспринимаем тот факт, что всемирно известный немецкий писатель демонстрирует такое теплое внимание к нашей молодой литературе, тем не менее, вполне понятно, что биографические и критические заметки мало интересны для тех, кто не может читать наших сочинений. Поэтому я обещал написать требуемый набросок только при условии, что я одновременно представлю на суд немецкой критики одно из моих самых больших произведений. К исполнению этого обещания меня понуждает и давнишнее желание дать моим дорогим соотечественникам (Landesleuten), которые стали мне чужими из-за моих жизненных обстоятельств, знак моей связи с родиной (Heimath) через перевод одной из моих драм.

Я родился и воспитывался в Эстляндской губернии. Рано пробудилась во мне страсть к поэзии. Моими первыми любимыми поэтами были Вергилий и Гораций; они жили со мною на берегах Волги, а я гостил у них в пустоши Сабинской виллы в Лукретиле и на берегу Неаполитанского залива¹⁹. В новой литературе я прежде всего ориентировался на немецких писателей. При моем высоком представлении о гении и об

¹⁷ Письмо И. Виельгорского к В.А. Жуковскому от 26.07.1838 // *Лямина Е.Э., Самовер Н.В.* «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского. Опыт биографии человека 1830-х годов. М., 1999. С. 356.

¹⁸ Из знакомых Розена летом 1838 г. в Германии находились В.А. Жуковский и С.П. Шевырев.

¹⁹ Свое реальное путешествие на Сабинскую виллу Горация Розен описывает в своем путевом очерке: Поездка на дачу Горация // *Сын Отечества*. 1847. № 1. Отд. V. С. 1–46.

образованности (Bildung) автора, я никогда не мог представить, что смогу когда-нибудь сам стать поэтом, хотя это было мое сердечное желание. Если бы фея предложила мне на выбор достоинство короля или автора, я бы сразу ухватился за последнее. Единственное, что было мне совершенно ясно, это то, что я никогда не смог бы жить без поэзии — мое горячее полное сердце должно было излиться в песнях! Мне ничего не оставалось, как вступить в тайную любовную связь с поэзией и — с военной службой! Я поступил в гусарский полк, в глубине России²⁰.

В прошлом, в училищах наших остзейских губерний, очень слабо учили русскому языку, в том ошибочном предположении, что на это довольно еще времени впереди, и действительно, на службе можно скоро научиться языку до известной степени. И я мало заглядывал в „Russische Sprachlehre“ Таппе²¹, пока, после полудремотного трехнедельного зимнего путешествия не опомнился, оказавшись в сердце России. Довольно успешно мог я уже обучать гусар в манеже; затем в угоду прелестной девушке хотел прочесть Озерова, но на это не хватило моего знания русского языка.

Известнейшие наши литераторы, с которыми я позже общался, выражали мне свое удивление, каким образом я, с трудом научившись русскому языку на службе, так глубоко мог вникнуть в дух русской народности, как о том свидетельствуют первые мои драмы. Ответ нетруден! Быв не только оторван, но и целиком отрезан от немецкого духа и от немецкой жизни, и в таком возрасте, когда сердце стремится в мир, я должен был довольствоваться русскою национальностью. Первые мои любовные излияния должны были выражаться на русском языке. Часто приходилось мне с гусарами стоять в степной деревне, в ста верстах от полкового штаба, идиллически принимать участие в играх деревенской молодежи, слушать старинные сказки и песни от краснобаев (Krasnobaen), участвовать во всех сторонах народной жизни, и я неприметным образом всею душою вжился в национальный дух. Могу сказать положительно — и мое суждение будет беспристрастно — что в действительной жизни моей, я ничего не встретил привлекательнее и поэтичнее русской народной жизни, как мы находим ее вдали от столбовой дороги, в природном состоянии. Тишайшее дуновение так называемого Просвещения (Aufklärung) обесцвечивает этот прекрасный цветок... Можно с полной серьезностью пожелать, чтобы человечество осталось в лесах! — Именно тогда начинаются периоды развития от Эдема до Элизиума, но и Элизиум русской народности нашел я в душе незабвенного Дельвига! Будь благословенна дорога образования (Bildung), которую проложило русскому народу (Folk) современное правительство и которая охраняет эту прекрасную народность (Nationalität) от разрушения.

²⁰ Розен поступил в Елизаветградский гусарский полк, стоявший в Саратовской губернии.

²¹ August Wilhelm Tappe (1778–1830) был учителем в немецкой школе Св. Петра в Петербурге, напечатал несколько пособий, неоднократно переиздававшихся, в частности: Neue theoretisch-praktische russische Sprachlehre für Deutsche: mit Beispielen, als Aufgaben zum Übersetzen aus dem Deutschen in das Russische, und aus dem Russischen in das Deutsche, nach den Hauptlehren der Grammatik; nebst einem Abrisse der Geschichte Russlands [bis auf die neuesten Zeiten] / von August Wilhelm Tappe. St. Petersburg, 1810. Ср.: Neue theoretisch-praktische Russische Sprachlehre für Deutsche. 1835. Таппе напечатал также учебное пособие по истории на основе «Истории» Карамзина: Сокращение Российской истории Н.М. Карамзина = Russisches historisches Lesebuch, aus Karamsins Geschichte Russlands = Tableau abrégé de l'histoire de Russie de Mr. de Karamsin: в пользу юношества и учащихся российскому языку, с знаками ударения, истолкованием труднейших слов и речений, на Немецком и Французском языках, и ссылками на грамматические правила: [в 2-х частях] / изданное Августом Вильгельмом Таппе, доктором богословии и философии. СПб., 1819.

Ничего нет легче изучения русского языка, если ограничиваться переводами с русского, — и ничего нет труднее совершенного знания этого языка. При этой трудности имеется своеобразие, которое помогает иностранцу: даже самый необразованный простой русский, за исключением некоторых «идиотизмов» языка, говорит совершенно правильно. Кто вдоволь наслышался русскому говору, тот может положиться на свой слух. Не то бывает с немецким языком; от необразованного немца никогда не выучиться немецкому языку.

Через семь лет осмелился я написать мои первые лирические опыты на русском языке и послал их Полевому, который напечатал их в своем «Телеграфе». Должен признаться, что тогда я еще мыслил по-немецки и переводил свои мысли на русский язык, но через некоторое время, когда я сочинял свои драмы «Россия и Баторий»²², «Осада Пскова»²³, «Басманов»²⁴, я уже думал по-русски. — Эти произведения имеют такие народные оттенки и окраски, что я даже сам не отважился бы перевести их на немецкий язык. Если бы русский язык с его чрезмерным богатством казался мне более разработанным и понятным для нерусского чувства и образа мыслей, то мышление на русском языке было бы для меня несравненно легче; а так я был зажат между немецким духом и русской народностью (Nationalität) и должен был точно отмечать, сколько из этих двух элементов во мне ассимилировалось. Для продукта этой ассимиляции я должен был создать новый язык, и мне было неизвестно, не будут ли порочить мой оригинальный стиль ригористы языка. Если в названных драмах господствует русский элемент, то в лирических стихотворениях и новеллах моих, писанных для моего альманаха «Альциона»²⁵, преобладает элемент немецкий. Но в предлагаемой трагедии моей «Дочь Иоанна III», под влиянием чисто-человеческого (Rein-Menschlich), уравновешены между собою оба элемента.

Я написал это произведение летом 1835 г. Один из наших лучших артистов хотел поставить его на сцене, мое путешествие за границу дало мне повод не разрешить этого, т.к. произведение было предназначено только для чтения.

Характер Иоанна историчен, и дал мне возможность показать тип царя русской предыстории (der russischen Vorzeit). Я признаю, что выбрал время наибольшего расцвета этого человека и что интриги против литовских послов, про которые упоминает Фиоравенти²⁶ (3 акт, 2 сцена), вскоре осуществились и окутали мраком божественное чело этого поистине великого правителя. Этот поздний период без сомнения дает больше материала для драматической обработки, но я предпочел более ранний период, чтобы остаться верным моим литературным принципам — давать публике не то, чего она желает, а то, чего у нее нет, или то, что ей необходимо.

²² Россия и Баторий, историческая драма в пяти действиях / Сочинение Барона Розена. СПб., 1833.

²³ Осада Пскова: Трагедия в пяти действиях / Сочинение Барона Розена. СПб., 1834.

²⁴ Петр Басманов: Трагедия в пяти действиях / Сочинение Барона Розена. СПб., 1835.

²⁵ Альциона..., издаваемая бароном Розеном. СПб., 1831–1833.

²⁶ Так писали в XIX в. имя итальянского инженера и архитектора, строителя Успенского собора Московского Кремля *Ridolfo Aristotele Fioravanti*, которого Розен вывел в качестве персонажа своей трагедии, допустив при этом сознательный анахронизм. Исторический Аристотель Фиораванти (Фьораванти), родившийся в 1415 г., скорее всего умер к моменту описываемых в трагедии событий, хотя точная дата его смерти неизвестна. Сватовство литовского великого князя Александра Ягеллона за старшую дочь великого князя Московского Ивана III происходило в 1494 г., а имя итальянца не упоминается в летописях после 1485 г.

А именно у нас в драме любят показывать ужасы и использовать трескучие эффекты (Knall-Effecten), поэтому я хотел этим произведением показать, что можно обойтись без злодеев и ужасов, если писатель хочет раскрыть область чистой красоты и напомнить своим современникам о высшем трагическом идеале. В Иоанне историчен и любящий отец. Жестокое, повелительное в его характере должно быть нейтрализовано его нежным, «материнским» отношением к дочери, и мужское в характере Софии, ее «отцовское», — т.е. не такое снисходительное — отношение к Елене должно быть смягчено воспоминанием о поре девичества, воспоминанием, которое в восприятии некоторых читателей могло привести эту, в общем, трагическую героиню к добру. Елена целиком мое творение. История ничего не знает о ней, кроме ее имени, ее замужества с великим князем Литовским и ее мудрого поведения на новой родине. Дочь византийской принцессы, воспитанной в Риме, должна была быть описана так, чтобы отвечать идее произведения.

Напротив, ее подруга — и близкая родственница — описана просто и исконно народно. Старому Патрикееву я бы охотно отказал в некоторых сильных выражениях (акт 3, сцена 6), но в мои намерения не входило идеализировать русского боярина, и представителей русского элемента и так немного — Иоанн, этот боярин и его дочь! В итальянском архитекторе описал я тогдашнее отношение ловкого и известного иностранца к московскому двору. Так и не иначе представляю я себе его поведение, если он хотел сохранить уважение и не потерять расположение двора. О друге Елены история не знает ничего, кроме его имени.

Что я пишу „Heléna“, а не „Hélena“, не требует особого упоминания, т.к. в немецком языке такое же ударение, и героиня моего произведения русская, а не гречанка. По-немецки говорят обычно во множественном числе „Paläológen“ (Палеологи), но почему нельзя использовать «Палеолог» (Paläológ), тем более что мы имеем дело с переводом с русского? Всегда ли немцы так уверены в правильности передачи иностранных имен? Русские имена часто плохо передаются. Надеюсь, что добросовестность немецких филологов не пойдет так далеко, чтобы устроить мне процесс из-за такого пустяка.

Это все, что я хотел бы сказать по поводу немецкой переработки моей трагедии. Мою автобиографию я прерываю, продолжение последует в случае положительного восприятия этого произведения или публикации нового, более достойного.

Санкт-Петербург, 4/16 марта 1841